

В. Н. Болоцких

**Экономика
и благосостояние
населения от рождения
до гибели СССР: без
загадок**

Научно-популярное
издание

В. Н. Болоцких
Экономика и благосостояние
населения от рождения
до гибели СССР: без загадок.
Научно-популярное издание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23099056
ISBN 9785448373701

Аннотация

В советский период Россия совершила колоссальный скачок в индустриальном развитии, превратилась в мощное государство, изменилась социальная структура. Но важнейший вопрос: что такое сила государства: обладание военной мощью или высокоразвитым производством, работающего на благо человека, на саморазвитие его личности, а не на его уничтожение. Другой принципиальный вопрос: в чём причины распада СССР, каков был истинный потенциал советской экономической системы, продержавшейся менее 70 лет.

Содержание

Обзор мнений о гибели СССР	5
Введение	17
Глава 1. Природно-климатический фактор и особенности истории России	18
1. 1. Природа и сельское хозяйство в период возникновения и укрепления Великорусского государства	18
1. 2. Природа России и особенности развития государства и общества	36
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Экономика
и благосостояние населения
от рождения до гибели
СССР: без загадок
Научно-
популярное издание

В. Н. Болоцких

*История учит даже тех, кто у неё не учится.
Она их проучивает за невежество и пренебрежение*
В. О. Ключевский

*Не следует умножать сущности сверх
необходимого*
«Бритва» Оккама

© В. Н. Болоцких, 2017

ISBN 978-5-4483-7370-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Обзор мнений о гибели СССР

В 2016 году исполнилось 25 лет с момента исчезновения Союза Советских Социалистических Республик. Но создаётся сильное впечатление, что подавляющее большинство жителей современной России мало что помнит и знает о событиях четвертьвековой давности. И ещё меньше понимает, что же тогда произошло. Большинство современных российских политических деятелей, участников событий тех лет, и ещё активно участвующих в современной политической жизни, и находящихся давно на покое, сходятся в том, что Советский Союз можно было сохранить. Некоторые говорят об исторической предопределённости исчезновения СССР, некоторые – о временном факторе, сыгравшем «против».

Некоторые деятели полагают, что восстановить СССР в том виде, каким он был, уже невозможно. Некоторые выражают надежду на образование какого-то нового союза на условиях равноправия.

Первый и единственный президент СССР М. С. Горбачёв в статье в «Российской газете» заявил, что не снимает с себя долю ответственности за случившееся, хотя «отставил Союз до конца, действуя политическими методами». По его мнению, свою роль в распаде сыграла деструктивная позиция тогдашнего российского руководства. При этом Горбачев убежден, что даже после принятия республиками

деклараций о суверенитете и независимости можно было договориться с большинством из них о создании союзного конфедеративного государства.¹

Современные коммунисты даже не заикаются о каких-либо закономерностях исчезновения СССР. На митинге по случаю 99-й годовщины Октябрьской революции лидер КПРФ Геннадий Зюганов заявил о стремлении своей партии воссоздать СССР. Об этом в понедельник 7 ноября 2016 г., сообщает «Интерфакс».

«Мы все сделаем, чтобы, возрождая советскую власть, чтобы, продвигая идеи Великого Октября, снова воссоздать наше могучее, порушенное в 1991 году государство», – сказал Зюганов. По словам главы КПРФ, партия будет приумножать и продвигать все лучшее из советской истории, которая «была легендарной» и «остается для нас маяком на будущее».²

Исключительно важно в этом вопросе мнение Президента Российской Федерации В. В. Путина, который определяет официальную точку зрения с 2000 г., т.е. большую часть прошедшего с официальной кончины в 1991 г. СССР времени.

В послании Федеральному собранию в апреле 2005 г. Путин назвал распад СССР «*крупнейшей геополитической ка-*

¹ <https://rg.ru/2016/12/21/mihail-gorbachev-nelzia-svodit-itogi-perestrojki-kraspadu-soiuza.html>

² <https://ria.ru/politics/20161213/1483480339.html>

катастрофой века».

Широко известны слова В. В. Путина, произнесённые в 2010 г.: «Кто не жалеет о распаде СССР, у того нет сердца. А у того, кто хочет его восстановления в прежнем виде, у того нет головы».

И с мнением Путина можно только согласиться.

К сожалению, в рассуждениях политических и государственных деятелей не заметно даже признаков желания объективно разобраться в причинах и сущности действительно «крупнейшей геополитической катастрофой века». Получается, что если бы руководство КПСС было поумнее, не так старалось следовать заветам Ленина, вовремя стало бы проводить демократические преобразования, то Советский Союз существовал бы и дальше.

Конечно, не политики должны искать объективные причины краха СССР, проводить научные изыскания. Но они могут и должны создать запрос на такие исследования.

В программах основных политических партий России начала XXI в. тема гибели СССР или не поднимется совсем, или освещается в упрощённом виде.

Собственно, об этом говорится только в различных версиях программы КПРФ, в которых причины краха СССР сводятся к деятельности «внутренних и внешних разрушителей», «погромщиков социализма». В программах других партий историческая часть отсутствует практически полно-

стью, особенно в вариантах 2000-х годов.³

Довольно широкое распространение получили разного рода «конспирологические» объяснения причин «гибели» (именно гибели и никак иначе) СССР. Типичной для представителей этого направления является книга А. П. Шевякина. Для него исчезновение СССР является загадкой, которую надо разгадать с помощью «системного подхода». Чётко выражена мысль, что кризис и гибель СССР являются результатом выполнения Западом, прежде всего США плана по его уничтожению. Этот замысел был изложен в «плане Даллеса» (составленный из отрывков романа А. С. Иванова «Вечный зов» в редакции 1981 г.) и директивах Совета национальной безопасности США в конце 1940-х гг.

Шевякин в превосходных тонах отзывается о Сталине, при котором страна достигла грандиозных успехов, а внутренние враги были почти полностью уничтожены. Но, как только он умер, откуда-то вылезли «скрытые враги». Этим «скрытым врагам», «агентам влияния», ещё до перестройки «агента влияния» М. С. Горбачёва в течение 1953—1985 гг. «удалось занять ключевые позиции в информационно-управляющем центре, изменить распорядительные функции в свою пользу, занять страховую сферу, перекрыть сложившиеся каналы информации и снабжения материальными ресурсами, изменить механизм управления, проконтроли-

³ См. подробнее: Болоцких В. Н. Есть ли политические партии в России? Анализ партийных программ. М.: 2014.

ровать, чтобы не появилось параллельного патриотического центра, и к тому же создать свои параллельные центры».⁴

Откуда они взялись, если Сталин почти всех уничтожил? Более того, они были в высшем руководстве уже при самом Сталине и даже смогли устранить ближайших и верных сотрудников вождя, ослабить его охрану, арестовать в январе 1953 г. 5 человек из ближайшего окружения Сталина.⁵

Продолжать выискивать подобные нестыковки и явные ляпы можно до бесконечности (сообщая об аресте 5 человек Шевякин ссылается на работу Р. Г. Пихои, но на указанной странице ничего этого нет, как и во всей работе). Вообще у него получается, что всё партийное и государственное руководство КПСС и СССР от Генерального секретаря ЦК КПСС до рядового номенклатурщика – это «агенты влияния», которые, сознательно или нет, выполняли тщательно разработанный в «мозговых центрах» дьявольский план всемогущего Запада во главе с США по разрушению СССР.

Какие приводятся доказательства? А никаких. Сам Шевякин откровенно пишет: «Прежде чем приступить собственно к изложению нашего исследования, мы должны остановиться на том, что речь пойдет **только о моих соображениях** (выделено авт. – В.Б.). Не более, но и не менее. Если в применении уже описанных нами методов по отношению к си-

⁴ Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945—1991). М.: 2003. С. 147.

⁵ Там же. С. 19.

стеме „СССР“ мы можем быть точно уверены, то в данном случае лишь выдвигается версия того, что сами излагаемые нами события, их характер были назначены, равно как был назначен и их порядок, последовательность одного за другим. А если это действительно было так, как мы излагаем, то отыскать и установить это крайне трудно, поскольку речь идет о глубоко системном применении ряда приемов, которое не то что осуществить, но и уловить-то можно только системному исследователю. А, как нами уже признавалось, над реконструкцией перестройки „системщики“ еще не работали».⁶

Конечно, о работе Шевякина можно было и не упоминать в силу её бездоказательности, умозрительности и несоответствия с исторической действительностью. Но высказывания политиков и государственных деятелей о причинах краха СССР недалеко ушли от умозаключений бывшего криминального журналиста.

Но даже когда какой-либо автор обращает внимание на экономические причины краха СССР, в конце концов, всё сводится не к органическим, внутренним закономерностям, которые должны были рано или поздно привести к неизбежному финалу советское общество с его экономической, социальной, политической и идеологической составляющими.

Типичным примером такого рода является труд казахстанского автора Т. А. Абдразакова.

⁶ Там же. С. 117.

Во введении он указывает на существование нескольких точек зрения по вопросу о причинах распада советского общества. Одни авторы считают, что в середине 1980-х гг. экономическое развитие общества столкнулось с определёнными трудностями, проявлявшимися в падении производительности труда, в снижении эффективности капитальных вложений, в отставании техники и технологии, в неконкурентоспособности многих видов промышленной продукции, в возникновении диспропорции в отраслевой структуре народного хозяйства. Они полагают, что социалистическое общество, построенное за годы советской власти, показало свою жизнеспособность и оказалось более стабильным, нежели капиталистическое. Им казалось, что можно было изменить ситуацию в лучшую сторону путём укрепления трудовой дисциплины, обновления основных фондов, совершенствования методов планирования и управления, не прибегая к коренной ломке общественной системы посредством её радикального реформирования.

Т. А. Абдразаков пишет: «Сторонники второго взгляда считают, что централизованно-плановая экономика, основанная на административно-командных методах управления не была жизнеспособной. Она преуспевала только за счет хищнической эксплуатации природных и людских ресурсов при низком жизненном уровне населения. В результате неблагоприятного демографического фактора произошло замедление прироста рабочей силы. Ориентация на наращи-

вание производства любой ценой привела к ухудшению качества производимой продукции, истощению природных ресурсов, возникновению и обострению экономической проблемы. Непрерывный рост затрат на производство энергии, сырья сопровождался увеличением издержек, возрастанием себестоимости продукции. Так обстояло дело не только в промышленности, но и в сфере сельскохозяйственного производства.

Существовал непреодолимый разрыв между производителями и потребителями. Последние не могли оказать воздействие на сферу производства. В этой обстановке давно сложившаяся система централизованного планирования и управления оказалась недостаточно эффективной. Все это и послужило причиной развала экономики и в конечном счете распада советского общества.

Существуют и другие мнения по данному вопросу. Одни считают, что советское общество не представляло собой социалистическое и потому невозможно дать оценку его жизнеспособности. Другие полагают, что экономика советской системы была малоэффективной по сравнению с рыночной. Это и явилось фактором, сыгравшим решающую роль в распаде общества».

Сам Т. А. Абдразаков стремится к объективному подходу и подчёркивает: «В действительности распад произошел под действием множества взаимосвязанных экономических, социальных, внутренних и внешнеполитических факторов.

При этом выделяется роль личностного фактора, сыгравшего немаловажную роль в распаде советского общества».⁷

Первая глава посвящена прогрессу в общественном развитии в условиях советского общества. Оценки исключительно положительные. Во второй главе речь идёт о причинах распада советского общества: слабая мотивация труда и производства, отсутствие научно обоснованного учёта затрат, техническое отставание, снижение эффективности планирования организации и управления общественным производством, нерешённость проблемы повышения благосостояния (в первой главе, по мнению автора, с этим проблем не было, даже во время Великой Отечественной войны обошлось без голода), разрыв между производством и потреблением, суженная основа свободы и демократии, нарушение декларированных принципов национальной политики, затратный характер внешней политики государства, враждебные акции США, стран НАТО, направленные на дестабилизацию советского общества.

Нет необходимости разбирать слабые места работы. Во многом положения первой главы противоречат материалу второй. Только один пример. На странице 19 утверждается, что почти все колхозы были рентабельными. А на странице 120 написано, что одной из причин развала сельскохозяйственного производства было отсутствие паритета цен:

⁷ Абдразаков Т. А. Распад советского общества: причины и последствия. Караганда, 1999. С. 3—5.

«в период до перестройки колхозы и совхозы не возмещали свои затраты на производство продукции в условиях отсутствия эквивалентности в обмене. Цены на продукцию сельских товаропроизводителей были значительно ниже цен на продукцию промышленности, используемой на селе. В перестроечный период этот разрыв еще более увеличился». Утверждение, что при этом колхозы были рентабельными, в том числе в 1989 г. оставим на совести автора.

Во второй главе Т. А. Абдразаков ближе к истине, но дело в том, что он объясняет появление недостатков советской экономической системы не с помощью анализа самой этой системы, не выявляет сущностных её слабостей, а сводит всё к пресловутому «личностному» фактору. Он посвящает целый параграф рассмотрению личных качеств советских лидеров и рисует неутешительную картину. Достойным своего положения лидера страны оказывается только Сталин. Ему прощается всё, в том числе политика принудительного перевода казахов на оседлый образ жизни, насильственная коллективизация, которые привели к сокращению численности казахов в два раза. Это списывается на произвол местных руководителей, обманывавших Сталина.⁸

Остальные – Н. С. Хрущёв, Л. И. Брежнев, Ю. А. Андропов, К. У. Черненко и М. С. Горбачёв – были некомпетентны, слабы и привели экономику, а вслед за ней страну к развалу.⁹

⁸ Там же. С. 76—77.

⁹ Там же. С. 73—91.

Причины развала советского общества, таким образом, с точки зрения Т. А. Абдразакова лежат не в самой «социалистической» системе, идеях равенства и справедливости по-коммунистически, а в ошибках, недостатках руководства страной.

Среди других авторов, высказывавшихся по этой теме, никто всерьёз и обстоятельно не говорит об экономических причинах «крупнейшей геополитической катастрофы века». А если кто и обращает внимание на экономику, то сводит всё к финансовой и экономической войне зловредного Запада во главе с США против СССР. Тот же А. П. Шевякин говорит об использовании экспорта нефти и импорта высоких технологий для ослабления и разрушения СССР.¹⁰

Но возникает вопрос: а почему великий и могучий Советский Союз так **критически** зависел от импорта высоких технологий, предметов потребления и продовольствия? В этом случае нельзя сваливать вину на подрывную работу «агентов влияния», целенаправленно ведших СССР к гибели после смерти Сталина. Ведь и при жизни Сталина импорт и не только высоких технологий, а любых, носил грандиозные масштабы. Индустриализация в годы первых пятилеток («сталинская») проводилась за счёт ввоза станков, машин, всевозможного оборудования целыми заводами. Только хлеб тогда вывозили, не считаясь с голодом собственно-

¹⁰ Шевякин А. П. Загадка гибели СССР. (История заговоров и предательств. 1945—1991). С. 169—181.

го населения, так как он был основным источником валюты. И насильственная коллективизация проводилась именно для того, чтобы получить как можно более дешёвый хлеб для экспорта.

И тоже вопрос: как могла страна, веками вывозившая хлеб, имевшая самые большие посевные площади в мире и плодороднейшие почвы, превратиться в крупнейшего его импортёра.

Общим у всех точек зрения, приводившихся здесь, является абсолютное отсутствие даже следов марксизма, который так упорно насаждался в умах советских людей десятками лет. Тут даже не скажешь, что в одно ухо влетело, а в другое вылетело. Марксистские представления даже не «влетали», не коснулись ума людей, многие из которых не только учили марксизм-ленинизм в советских школах и вузах, но даже его преподавали.

Любой человек, хотя бы мало-мальски знакомый с идеями Маркса, Энгельса, Ленина об естественно-исторических законах развития человека и общества, о материальном производстве как базисе общества, на котором зиждется социально-политическая надстройка, должен первым делом обратить внимание на характер экономических процессов в советский период. Но нет, упоминания об экономике сводятся к подчёркиванию великих достижений и наличию отдельных недостатков как результата слабости лидеров (кроме Сталина) и деятельности внутренних и внешних врагов.

Введение

В советский период своей истории Россия совершила колоссальный скачок в индустриальном развитии, превратилась в мощное государство, произошли огромные изменения в социальной структуре общества. Всё это отразилось на материальном положении советских людей.

И возникает важнейший вопрос – что понимать под мощностью государства: только ли обладание военной мощностью или наличие высокоразвитого промышленного и сельскохозяйственного производства, работающего на благо человека, а не на его уничтожение, обеспечивающего высокий уровень жизни населения, возможность саморазвития личности.

Другой принципиальный вопрос: в чём причины быстрого распада СССР, насколько большим потенциалом обладала советская экономическая система, если советская власть продержалась меньше 74 лет.

Чтобы ответить на эти вопросы необходимо иметь представление о том, как шло на самом деле экономическое развитие России в советский период, каково было материальное положение различных социальных слоёв и групп.

Но корни СССР уходят в глубину веков, поэтому необходимо сказать хотя бы кратко об особенностях развития России и факторах, определявших её исторический путь.

Глава 1. Природно-климатический фактор и особенности истории России

1. 1. Природа и сельское хозяйство в период возникновения и укрепления Великокорусского государства

Среди факторов, определявших и определяющих особенности истории России, прежде всего, необходимо выделить природно-климатический. В поисках причин всё более растущего отставания России в социально-экономическом развитии от стран Запада, которое особенно проявилось в XIX – XX вв., вспоминают татаро-монгольское иго, ошибки царей и российских реформаторов, русский национальный характер и многое другое. Гораздо реже обращают внимание на природу России и то, каким образом она влияла на экономику России, а через неё на политическое развитие и формирование специфических черт русской общественной жизни и психологии русского человека. Вообще, скорее следует

говорить о своеобразии развития России, чем об её отставании.

Во взаимодействии русского народа с окружающей природой действуют те же самые закономерности, что и у любого другого народа и надо только отыскать эти закономерности, выявить механизмы действия этих закономерностей, вообще взаимодействия общества и природы, выявить решающие факторы этого взаимодействия. Эти вопросы основательно рассмотрены в работах Л. В. Милова¹¹, на которых и основана эта глава.

Л. В. Милов проводит подробный сравнительный анализ климатических условий Западной и Центральной Европы, Северной Америки и Европейской части России. Речь идёт об историческом центре Великороссии, т.е. современной России.

В Западной и Центральной Европе и особенно в Северной Америке, случаются сильные морозы, но они редки, не стойки и не приводят к промерзанию почвы. И, главное, климат был более стабильным и «предсказуемым», земледелец достаточно редко сталкивался с колебаниями погоды: весенними и осенними заморозками, засухами и чрезмерными дождями. Л. В. Милов заключает характеристику климата Европейской России: «За внешними признаками общего кли-

¹¹ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001.

мата типично умеренной зоны главная компонента, резко осложняющая и ухудшающая условия для земледелия, это осенние и весенние заморозки, а также переменчивый характер летнего сезона. Ведь в большинстве районов Нечерноземья практически не бывает „благорастворенной“ погоды „западноевропейского типа“, ведущей к неперемому урожаю. Лето здесь то холодно-дождливое (и тогда все плохо растет), то жаркое и засушливое (что также влечет за собой неурожай). В более южных районах постоянно присутствует угроза засухи или недостаточной влажности (исключением является Северный Кавказ)». Это приводит к частным неурожаям и голоду. Только один пример. В XVII в. отмечено 24 голодных года.¹²

Почвы в Европейской России в основном малоплодородные (более плодородные почвы юга Европейской России стали осваиваться только со второй половины XVIII в., но и там средние стабильным высоким урожаям препятствовал засушливый климат).

Л. В. Милов приходит к принципиально важному выводу: «Даже краткое знакомство с особенностями климатических и почвенных условий Европейской части должно содействовать реальному восприятию того факта, что в исторических судьбах и Древнерусского государства, и Северо-Восточной Руси, и Руси Московской, не говоря уже о Российской им-

¹² Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 12—13.

перию, наш климат и наши почвы сыграли далеко не позитивную роль. История народов России, населяющих Русскую равнину, – это многовековая борьба за выживание». ¹³

Неблагоприятные климатические условия, преобладание малопродуктивных подзолов и болотных почв сочетались в течение многих столетий с сохранением малоэффективных экстенсивных систем земледелия. ¹⁴ Огромных усилий также требовала одна из тяжелейших крестьянских работ – уборка, которая ложилась в основном на женщин. Так как зерно не дозревало в большей части страны и масса труда затрачивалась для доведения его до необходимой кондиции. Для этого применялись суслоны, крестцы, копны, скирды, овины с многочасовой горячей сушкой снопов. В черноземных районах технология жатвы была более упрощённой, но тяжесть труда была не меньше, чем в Нечерноземье. Часто погодные условия вынуждали участвовать в этой работе взрослых мужчин и детей. Участие мужчин сказывалось на качестве работ по севу озими, основного продукта питания крестьянской семьи.

Л. В. Милов итожит: «Жатва – это завершающий этап в сельскохозяйственной страде России, вечно и неизбежно носящий „авральный“ характер». ¹⁵

Добавим, что именно климатические и почвенные усло-

¹³ Там же. С. 17.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 160—161.

вия способствовали сохранению архаичных систем земледелия до XIX в. (о чём упоминает и Л. В. Милов), так как короткий сельскохозяйственный сезон и низкие урожаи не давали ни времени, ни достаточных средств для внедрения более интенсивных систем земледелия.

Во времена господства подсечной системы земледелия урожаи доходили до сам-10, то есть около 15 центнеров с га и даже больше. Но такой крайне экстенсивный способ земледелия помимо затрат труда на обработку почвы требовал постоянных и громадных усилий целого коллектива людей (общины) для расчистки больших участков леса при почти ежегодной смене пашни. Так что в расчёте на душу населения зерна производилось не много.

Регулярное паровое трёхполье явилось переворотом в земледелии, оно дало крестьянину огромную экономию труда, изменило весь уклад его жизни, оно сделало возможным перенесение центра тяжести хозяйственной деятельности с общины на индивидуальное крестьянское хозяйство. Но переворот этот имел существенные недостатки, так как повлёк за собой снижение урожайности и доли пшеницы в структуре посевов.

Так как ведение отдельного хозяйства было возможно лишь ценою потери в уровне производства, то сама самостоятельность этого хозяйства оставалась неполной. Дело в том, что при паровом трёхполье скудные почвы быстро истощались, а восстановление их плодородия было связано с при-

менением подсеки и перелога. А это вновь требовало больших затрат труда и помощи общины.

Только прибегая периодически к дополнительному возделыванию земли с помощью перелога или подсеки, то есть к коллективной расчистке леса, подъёму целины, создавая «излишние» временные пашни, русский крестьянин более или менее сводил концы с концами. Периодически обновлялась и сама регулярная пашня, так как через 20—30 лет, как правило, и она теряла свое плодородие. Отсюда и характерное для Северо-Восточной Руси «гнездовое» расположение поселений, при котором близлежащие небольшие деревни образовывали более крупные объединения – сёла, волости, члены которых приходили на помощь друг другу.

Сведения об урожайности встречаются с конца XV в. В Водьской и Шелонской пятинах известны примеры урожайности ржи того времени – от сам-1,7 до сам-2,3, по Обо-нежской пятине – сам-3, по Деревской – сам-2 и сам-3.

Имеются данные по Иосифо-Волоколамскому монастырю конца XVI в. В его сёлах во Владимирском, Суздальском, Тверском, Старицком, Рuzском, Волоцком и Дмитровском уездах (то есть гораздо южнее Новгородских земель) за отдельные годы урожайность ржи была в пределах от сам-2,45 до сам-3,3, овса – от сам-1,8 до сам-2,56, пшеницы – от сам-1,6 до сам-2,0, ячменя – от сам-3,7 до сам-4,2 и т. д.

В XVII – XVIII вв. картина практически не меняется.

По вологодскому Северу рожь давала от сам-2 до сам-2,7, овёс – от сам-1,5 до сам-2,8. Со второй половины XVIII в. появляются сводные данные об урожайности по губерниям. Так, по Тверской губернии в 1788—1791 гг. урожайность ржи и овса в среднем колебалась от сам-1,9 до сам-2,8, по пшенице – от сам-1,9 до сам-2,7. Данные по Новгородской, Московской, Костромской, Нижегородской губерниям дают похожую картину. К югу от Оки, где преобладали деградированные чернозёмы (Калужская, Рязанская, частично Орловская, Тамбовская и другие губернии) в 80—90-е годы XVIII в. урожайность была немногим выше, чем в Нечерноземье.

Мало меняется положение с урожайностью и в XIX в.¹⁶

Таким образом, в историческом центре Российского государства в течение, по крайней мере, 400 лет уровень урожайности был необычайно низок, но и он достигался путём громадных затрат труда.

Первой причиной стабильно низкой урожайности в основных регионах России была худородность почв. Однако низкое плодородие почв объясняет далеко не всё. Ведь во многих странах Европы почвы были также не самые лучшие, но благодаря тщательной обработке и обильным удобрениям урожайность там, особенно в Новое время, постоянно росла.

¹⁶ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 37—39; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 162—189.

Почему же в России было иначе? Почему повышение плодородия связывали здесь только с обновлением пахоты за счёт залежи или росчистей, а не прибегали к более тщательной обработке и обильному удобрению?

Рост плотности населения, приведший к нехватке пашни и распашке лугов со второй половины XVIII в. и вследствие этого к сокращению скотоводства и недостатку навоза, мало что объясняет, так как и до этого времени урожайность была низкой.

Основная причина кроется в особенностях природно-климатических условий исторического центра России. Надо иметь в виду то, что, при всех колебаниях в климате, цикл сельскохозяйственных работ здесь был необычайно коротким – всего 125—130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины сентября по старому стилю). В течение столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на неё у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота.

Данные описей крупного господского (монастырского) хозяйства середины XVIII в. показывают трудозатраты: по нечерноземным губерниям 72,6—73,6 человеко-дней при 33,0—34,4 коне-днях; по Владимиро-Суздальскому ополью 45,3—46,7 человеко-дней при 18,9—20,7 коне-днях; по черноземным регионам – 41,3—43,4 человеко-дней при 21,9—22,5 коне-днях.

Таков был уровень трудозатрат в монастырском хозяйстве, где существовала реальная возможность концентрации на полях массы рабочих рук и где применялось и «двоение», и «троение» некоторых яровых культур, и многократное боронование и т. п. Для оценки же производственных возможностей собственно индивидуального крестьянского хозяйства, где был минимум рабочих рук (семья из 4 человек, из них двое детей), за неимением прямых данных необходим приблизительный подсчёт. Из 130 дней примерно 30 дней уходило на сенокос и, значит, крестьянин от посева до жатвы включительно имел около 100 рабочих дней.

По данным Генерального межевания и губернских отчётов второй половины XVIII в., средняя обеспеченность пашней в Нечерноземье достигала 3—3,5 десятин во всех трёх полях на мужскую ревизскую душу (в средней крестьянской семье из 4 человек таких ревизских душ было обычно две). Таким образом, на «тягло» (взрослые мужчина и женщина) приходилось 6—7 десятин пашни. Из них под ежегодный яровой и озимый посевы шло 4—4,7 десятины. Практически в семье из 4-х человек пашню пахал один работник. Имея 100 рабочих дней, он мог на вспашку, боронование и сев потратить в расчёте на 1 десятину (без жатвы и обмолота) 21,3—25 рабочих дней. В господском (монастырском) хозяйстве трудозатраты на 1 десятину составляли 39,5 человеко-дней, то есть в 1,58—1,85 раза больше, чем в крестьянском.

Находясь в столь жёстком цейтноте, пользуясь довольно

примитивными орудиями труда, крестьянин мог лишь в минимальной степени обработать свою пашню и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды. Реально же при данном количестве рабочего времени качество его земледелия было таким, что он не всегда мог вернуть в урожай даже семена. Выход из этого по-настоящему драматического положения был один. Русский земледелец должен был в 21—25 рабочих дней реально вложить в землю такой объём труда, который в более благоприятных условиях господского хозяйства на барщине занимал около 40 рабочих дней. Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда днём и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, женщин на мужских работах и т.д.). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ был там гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах был до удивления коротким (декабрь-январь). Конечно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда, и более тщательную обработку пашни (4—6 раз).

В этом заключается главное различие между Россией и Западом на протяжении столетий. Ещё в XVIII в. агроном И. Комов писал: «...У нас... лето бывает коротко и вся работа в поле летом отправляется... В южных странах Европы, например, в Англии (!) под ярь и зимою пахать мо-

гут, а озимь осенью в октябре, в ноябре сеять... Поэтому у нас еще больше, нежели в других местах, работою спешить должно».

Из-за нехватки рабочего времени многие крестьяне оказывались не в состоянии обработать весь свой надел. Так во второй половине XVIII в. фактический посев и пар составляли 53% от среднего надела в 3—3,5 десятины на душу мужского пола. В 1788 г. доля посева в Тульской губернии составляла ко всей пашне всего 46,7%.¹⁷

В соответствии со сказанным находятся данные о недостаточности хлеба у крестьян. Один пример. В середине XVIII в. по Кондужской волости беднейшая группа дворов (74% хозяйств волости) сводила хлебный бюджет с дефицитом в 74,3 пуда. Во второй группе дворов (17% хозяйств) средний излишек составлял всего 14 пудов. Лишь третья группа (9%), к которой относились самые зажиточные крестьяне, имела значительный излишек хлеба – до 214 пудов. Однако с учётом удельного веса той или иной группы дворов, получается в среднем по всей волости дефицит хлебного бюджета в 33,4 пуда.

Для крестьянина разница урожая всего лишь в один «сам» имела в России громадное значение, так как давала возможность иметь хотя бы минимум товарного зерна. Однако до-

¹⁷ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 39—40; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 190—213.

стигнуть урожая в сам-4 в целом по Нечерноземью не удалось на протяжении многих веков. Крестьянину оставался один выход – резко снижать свое потребление и таким образом «получать» товарный хлеб, но такой выход был, конечно, иллюзорным, не дающим серьёзных товарных запасов.¹⁸

Отсюда вытекает главный вывод: крестьянское хозяйство коренной территории России обладало крайне ограниченными возможностями для производства товарной земледельческой продукции, и эти ограничения обусловлены именно неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Кроме того, постоянная низкая урожайность находилась в прямой зависимости от плохого качества удобрения полей. Норма вывоза навоза на десятину (га) – примерно 1500 пудов (24 тонны) – практически никогда не соблюдалась. В Центрально-промышленном районе в середине XVIII в. на монастырские поля вывозили в 60% случаев лишь половину этой нормы, то есть полному удобрению земля подвергалась один раз в 6 лет, часто этот срок был гораздо больше.

По свидетельству известного в XVIII в. агронома А. Т. Болотова, в Каширском уезде Тульской губернии удобряли пашню один раз в 9 и даже в 12 лет. И это при том, что в XVIII в. хорошо знали, сколько надо было иметь навоза для регулярного, раз в 3 года, удобрения пара. Агроном того вре-

¹⁸ Миллов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 41—42.

мени И. Елагин, в частности, считал, что на десятину пара (или 3 десятины пашни) следует иметь 2 лошади, 2 коровы, 2 овцы и 2 свиньи, то есть примерно 6 голов крупного скота. Но реально подходя к делу, граф П. А. Румянцев писал, что в его имениях «на десятину посева [следует] держать одну корову и две молодых от приплода», т. е. около 3—4 голов крупного скота на десятину пара.

Ещё хуже стало в XIX в. В Тульской губернии в первой половине этого века посевная площадь удобрялась раз в 15 лет, в ней на десятину пара было 1,2 головы крупного скота. Во второй половине XIX в. во многих уездах Московской губернии на десятину пара приходилось 1—1,5 головы крупного скота, то есть пашню удобряли (по норме) раз в 12—18 лет. В Орловском уезде Вятской губернии пар унавоживали раз в 12 лет, а всю землю раз в 36 лет.

Практика XVIII и первой половины XIX веков продолжала давнюю традицию, так как столь же мало удобрялись, например, монастырские поля в конце XVI – начале XVII вв. Так, в Иосифо-Волоколамском монастыре, по данным Н. А. Горской, пашня удобрялась примерно один раз в 24 года (сведения за 1592 и 1594 годы), а земли Кирилло-Белозерского монастыря – один раз в 9 лет (данные 1604—1605 годов).

Острая нехватка удобрений на крестьянских и даже на господских полях имеет своё объяснение. При необычайно длительном стойловом содержании скота, равном при-

мерно 200 суткам и усиленном суровым режимом зимы, срок заготовки кормов в Нечерноземье был очень ограниченным. Обычно сенокос продолжался 20—30 дней, и за это время надо было запасти огромное количество сена.

В 1760-х гг. И. Елагин полагал нормальными следующие рационы кормления скота сеном. На 7 месяцев стойлового содержания для лошади – 160, для коровы – около 107, для овцы – около 54 пудов. Следовательно, на 2,25 головы крупного скота (лошадь, корова и овца) нужно было около 323 пудов сена. А среднее одנותягловое хозяйство, имея примерно 2 лошади, 2 коровы и 2—4 овцы, накашивало обычно около 300 пудов сена.

Реально на лошадь, видимо, шло около 75 пудов, на корову и овцу – каждой около 37—38 пудов. Корове и овце сена давали практически одинаково, так как овца питалась только сеном (не считая веников), а корова могла есть и солому.

В больших барских имениях сенной корм лошадям, которые были в работе в период стойлового содержания, давали на 7 месяцев по 106 пудов на голову. Это в 1,5 раза лучше крестьянских нормативов. Однако неработающие лошади получали вдвое меньше – от 45 до 50 пудов на 7 месяцев. Чаще всего режим кормления был таким: во время работы – по полпуда в сутки, без работы – по 10 фунтов сена на ночь (или около 80 пудов за 7 месяцев).

Сверхэкономный режим кормления скота сеном к XVIII в. был уже давней традицией и стал нормой. Так в 1592 г.

в Иосифо-Волоколамском монастыре на корову расходовали за зиму 34,5 пуда сена, на овцу – 42 пуда и на лошадь – 78 пудов. А через два года норма кормления скота сеном была снижена в монастыре в два раза. Таким образом, скот на протяжении веков получал сена в 2,7—3,5 раза меньше полной нормы. И это происходило не только потому, что мало заготавливалось сена, в том же Иосифо-Волоколамском монастыре в 1592 и 1594 годах сено шло на самые различные нужды обширного хозяйства, а часть его даже продавалась. Просто так было уже принято. За века выработались нормы кормления скота и, заготовленное сверх обычного сено, не скармливалось скоту, а использовалось на другие нужды и продавалось.

Острая нехватка сена приводила к тому, что основой кормовой базы скота у крестьянина и у барина была солома. Практически урожай зерновых культур оценивался двояко: какова солома и каково зерно. В хозяйственной терминологии документов были даже специальные термины «ужин» и «умолот». Первый относился к соломе, а второй к зерну. Но солома была кормом, лишённым витаминов, малопитательным, вредным для животных. Наиболее грубая и тяжёлая пища – ржаная солома.

Кормление скота соломой крестьянин считал нормой, мало того, заготавливая на одно тягло более 300 пудов сена, мог «излишки» его и продать. Особенно часто сено продавали там, где было много заливных лугов и укусы на них до-

стигали 200—250 пудов с десятины. Но мест, где достаточное количество сена вело к товарному животноводству, почти не было.

Отношение к сену как к роскоши, без которой можно и обойтись, весьма глубоко укоренилось в сознании русского человека. Например, видный хозяйственный деятель XVIII в. хорошо образованный В. Н. Татищев искренне полагал, что «скотина ж без всякой нужды без лугов продовольствоваться может одним полевым кормом», то есть соломой, ухвостьем, мякиной и т. п.

Не всегда хватало и соломы. В тяжёлые годы даже в дворцовом хозяйстве обычной рабочей лошади давали лишь 46—49% полагающегося рациона соломой, хотя основной корм (сено) был в величайшем дефиците (20 пудов на голову на 7 месяцев).

Российские лошади по существу были лишены такого корма, как овёс. В Англии, например, в конце XVIII в. рабочая лошадь получала в год 120—130 пудов, в день по 5,7 кг. В России же по таким нормам кормили только породистых рысаков, ездовых лошадей в барских хозяйствах (98,2 пуда), остальные получали по 28,6 пудов.

Естественно, что крестьянские лошади были мелкими, слабосильными, а весной буквально падали от бескормицы. В помещичьих инструкциях XVIII в. это находит прямое отражение (лошади, «весною от бескормицы тощи и малосильны»). Для русского крестьянина ранний весенний сев всегда

составлял трудную проблему: надо сеять, а лошадь еле стоит на ногах. Только побывав на подножном корму, животное становилось пригодным к пахоте (или в результате усиленного кормления накануне весенних работ). А время упущено: поздний сев ставил урожай (особенно овса) под угрозу от ранних осенних заморозков. Кроме того, резкий переход к зелёному корму нередко вызывал у лошади болезни. Подобное положение сохранилось в XIX – начале XX в. Недаром уже в 1870-е годы в центральных районах России число безлошадных хозяйств достигало четверти всех крестьянских дворов, а к 1912 г. в 50 губерниях страны насчитывалось до 31% безлошадных хозяйств. Число же безлошадных и однолошадных достигало в конце XIX – начале XX вв. 55—64% всех дворов.

В силу тех же обстоятельств на протяжении примерно четырёх столетий в Нечерноземье практически не было товарного скотоводства. Оно было «навозным», так как его основное назначение – удобрение полей. Уже в начале XX в. экономист А. Чаянов отмечал наличие в большинстве русских губерний кормового голода, когда абсолютно необходимое количество скота, требуемое иногда только для тяги и навозного удобрения, не может быть обеспечено кормами.

Товарное зерно и винокурение в XVIII – XIX веках появлялись в результате снижения уровня питания, Л. В. Милов подчёркивает, что рынок до отмены крепостного права – это

«рынок продажи хлеба из нужды».¹⁹

Большие затраты труда на полеводство приводили к тому, что крестьяне мало внимания уделяли огородничеству. Крестьянские огороды были небольшими и овощеводство было, как правило, занятием женщин и детей.

Товарным же огородничеством занимались горожане, что было исторической особенностью России.²⁰

¹⁹ Милов Л. В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. №4—5. С. 43—47; Он же. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 214—256, 383—386, 389, 390—391, 394—395, 398, 407, 410—411.

²⁰ Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 257—258, и др.

1. 2. Природа России и особенности развития государства и общества

Основные свои соображения о роли природно-климатического фактора в истории России, его влиянии на становление и развитие российского общества и государства Л. В. Милов высказал в заключении к своей масштабной работе. За некоторыми исключениями, с его выводами можно согласиться, поэтому далее они приводятся в подробном изложении. Те же моменты, которые вызывают возражения, здесь пропущены для краткости, а собственные мысли автора приведены отдельно.

Л. В. Милов исходит из того, что природно-климатический фактор имел важнейшее влияние на характер и темпы развития человеческого общества вообще и на характер и темпы развития социальных формирований, охватывающих племена или народы, целостные государственные образования и государства. Это влияние прослеживается не только тогда, когда разница в природно-климатических условиях резко контрастна и поэтому вполне очевидна (например, страны долин Нила, Двуречья, с одной стороны, и страны Европы, с другой), но и при отсутствии такого резкого контраста (например, Запад Европы и Восток Европы). В последнем случае влияние это не столь грандиозно, как в первом случае. Разница в темпах развития человеческих сообществ

на Западе и Востоке Европы прослеживается хотя и в рамках одной общественно-экономической формации, но вместе с тем она глубоко принципиальна и носит фундаментальный характер. Речь идёт о разных типах и темпах развития феодального общества.

Важнейшей особенностью сельского хозяйства большей части Российского государства всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. Он длился с половины апреля до половины сентября (а по новому стилю с начала мая до начала октября), не отличаясь при этом сколько-нибудь солидной суммой накопленных температур. В то же время на Западе Европы на полях не работали лишь декабрь и январь. Это не бросающееся в глаза различие носит между тем фундаментальный характер, поскольку такая серьёзная разница производственных условий и, следовательно, открывшихся для человека возможностей в удовлетворении потребностей радикальным образом влияла на экономическое, политическое, культурное развитие Запада и Востока Европы.

На Западе Европы это обстоятельство обусловило интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину лишь как социальную организацию мелких земельных собственников-земледельцев. Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало раннее появление частной собственности на землю, активное вовле-

чение земли в сферу купли-продажи, появление возможности концентрации земельной собственности, формирование крупной феодальной земельной собственности.

Результатом подобной эволюции было становление типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции. Роль такого государства даже в создании так называемых *всеобщих условий производства* всегда была минимальной. При подобном типе эволюции центр тяжести развития всегда был как бы «внизу»: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была свойственна максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функции.

В конечном счёте именно отсюда проистекало удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, сравнительно раннее развитие науки. Фундаментальным основанием этих процессов было быстрое и широкое развитие ремесла и торговли, раннее формирование капитализма и т. д.

Конечно, это лишь основная тенденция подобного типа развития, не стоит забывать о конфликтности ситуаций, возникавших в разное время в сложном переплетении национальных, конфессиональных и политических интересов групп, сословий, народов.

В пределах Восточноевропейской равнины необычайная кратковременность цикла земледельческих работ рус-

ских крестьян усугубляется преобладанием малопродуктивных почв. В таких условиях для получения минимального результата необходима была наибольшая концентрация труда в относительно небольшой отрезок времени. Однако индивидуальное крестьянское хозяйство не могло достигнуть необходимого уровня концентрации трудовых усилий в объективно существовавшие здесь сроки сельскохозяйственных работ. Так называемые «ритмы климата» в виде относительного потепления или, наоборот, сравнительного похолодания не могли существенно влиять на веками утвердившиеся сроки тех или иных работ. Они всегда были необычайно краткими.

Отсюда необходимость для российского крестьянина высоких темпов работ, крайнего напряжения сил, удлинения рабочего дня, использования детского труда и труда стариков. Однако и при этом, чаще всего русский крестьянин не достигал необходимой степени концентрации труда. Усугубляло ситуацию отсутствие необходимого времени для обязательной заготовки корма для скота, необходимые объёмы которого намного превышали подобные заготовки других регионов и были обусловлены длительностью стойлового содержания животных.

Следствием этого была невысокая агрикультура, низкая урожайность и низкий, в конечном счёте, объём совокупного прибавочного продукта общества вплоть до эпохи механизации и машинизации этого вида труда. Всё это, казалось бы,

создавало условия для многовекового существования в этом регионе лишь сравнительно примитивного земледельческого общества.

Вместе с тем потребности более или менее гармонично-го развития социума выдвигали к жизни, порождали своего рода компенсационные механизмы выживания.

Крайняя слабость индивидуального parcelльного хозяйства в условиях Восточноевропейской равнины была компенсирована громадной ролью крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Крестьянское хозяйство как производительная ячейка так и не смогло порвать с общиной, оказывавшей этому хозяйству важную производственную помощь в критические моменты его жизнедеятельности.

Ограниченный объём совокупного прибавочного продукта в конечном счёте создавал основу лишь для развития общества со слабо выраженным процессом общественного разделения труда. Однако задача гармоничного развития общества обусловила необходимость оптимизации объёма совокупного прибавочного продукта, то есть его увеличения как в интересах общества в целом, его государственных структур, так и господствующего класса этого общества. Но на путях этой «оптимизации», т.е. объективной необходимости усиления эксплуатации крестьян, стояла та же крестьянская община – оплот локальной сплочённости и средство крестьянского сопротивления.

Неизбежность существования общины, обусловленная её производственно-социальными функциями, в конечном счёте привела к складыванию наиболее жестоких и грубых механизмов изъятия прибавочного продукта в максимально возможном объёме. Отсюда появление режима крепостничества, сумевшего нейтрализовать общину как основу крестьянского сопротивления. В свою очередь, режим крепостничества стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичных форм государственной власти – российского самодержавия.

Российское самодержавие имеет глубокие исторические корни. Суровые природно-климатические условия сделали процесс разложения первобытного общества у восточных славян необычайно длительным, растянутым на многие столетия. Существенная ограниченность объёма совокупного прибавочного продукта в конечном счёте диктовала и сравнительно ограниченную на первых этапах численность складывающегося господствующего класса. Больше того, сам облик этого класса на ранних этапах древнерусской государственности был военизированным. Ведь чем меньше объём прибавочного продукта, создаваемого обществом на ранних его этапах, тем сильнее проявляется роль насилия в процессе изъятия и концентрации этого продукта. Кроме того, длительное время даже в условиях существования раннеклассового общества и государства война всё ещё продолжала сохранять функции своеобразного «средства производства».

На ранних этапах государственности для обычных налогово-управленческих и даже полицейских форм время ещё не пришло. И потребности управления вызвали к жизни такое явление как полюдье.

Полюдье как форма бескомпромиссного военного господства при систематическом изъятии прибавочного продукта, видимо, очень рано обнаружило тенденцию к универсальности своих функций, к перерастанию их из чисто налоговых в общегосударственные. Отсюда, вероятно, можно предположить и раннее зарождение судебных функций полюдья, и исключительность даннических видов взимания ренты на ранних этапах развития феодальной государственности, когда рента и налог слиты вместе в единое целое. Вполне возможно, что полюдье представляет собой и наиболее раннюю, зародышевую форму проявления верховной собственности на землю.

В то же время сама форма полюдья как форма «странствующей» государственной машины также была непосредственным следствием общей ограниченности объёма совокупного прибавочного продукта. К тому же общая его ограниченность усугублялась специфически экспортной формой его весьма существенной по объёму части (воск, мёд, меха и т.п.), что вызывало громадные государственные и людские издержки при его сбыте.

Динамичность «странствующей» государственной машины в немалой степени содействовала становлению такого

типа феодального государства, в котором, по крайней мере, в период полюдья, глава его был конкретным вершителем дел на местах. Подобное положение явно способствовало сосредоточению в его руках огромной власти и энергичному совершенствованию механизма изъятия и централизованного перераспределения ограниченного по объёму совокупного прибавочного продукта. Видимо, так же как в центрально-европейских государствах, важную роль сыграла при этом созданная раннефеодальным государством система, получившая в новейшей историографии название «служебной организации», важнейшей функцией которой было обслуживание потребностей господствующего класса. Такого рода структуры были призваны создать альтернативу системе крупного феодального землевладения и укрепить тот тип государственности, где дуализм, то есть соотношение частнособственнических тенденций и элементов общественного землепользования, был в относительном равновесии. Итогом всех этих существенных особенностей развития восточнославянского социума был тот специфический строй, который в нашей литературе получил определение «государственного феодализма».

Важнейшим элементом такого строя был институт «власти-собственности», обнаруживающий себя, в частности, в синкретизме институции «князь» (с одной стороны, это глава государства, персона, а с другой – это само государство, его казна и т.д.). Видимо, в Киевском государстве

в первый период его существования в силу этого не было и княжеского домена. Передача наследства сыновьям киевского князя – это передача власти-собственности в виде удела, во главе которого наследник становился суверенным главой, со всеми имущественными следствиями. Это обстоятельство и вызвало столь странную так называемую «феодальную раздробленность», при которой сложилась иерархия удельных князей, очередность восхождения их на киевский стол, единое законодательство.

И только спустя столетия, после укоренения киевских наследников в Северо-Восточной Руси, в механизм деления «власти-собственности» включаются элементы действительного процесса феодальной раздробленности.

Возрождение русской государственности проходило в многовековой борьбе как с иноземным игмом, так и бурно развившейся феодальной раздробленностью.

И вновь объективная реальность существования русского социума в суровых природно-климатических условиях Восточной Европы включила в действие по сути дела те же механизмы самоорганизации общества с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта.

Частнособственническое землевладение господствующего класса никогда не было в России ведущей формой земельной собственности. В системе «государственного феодализма» верховная собственность на землю оставалась у государства, а крестьяне были «держателями» земли, обязан-

ными перед государством налогами, оброком и натуральными повинностями. В отдельных регионах в определённые эпохи такая «государственная земля» могла превращаться в фактическую собственность «государственных крестьян», оставаясь при этом всегда в орбите экономических отношений внутри этого сословия. И даже в XIX в. государь особо не различал домен и государственные земли.

В распоряжении же феодалов всегда была лишь часть территории Русского государства. На заре государственности длительный период времени они имели на правах частной собственности лишь сёла-усадыбы, то есть основные резиденции, где были жилище и хозяйственный комплекс. Большая же часть средств для существования феодала поступала через государственные каналы.

В послемонгольский период феодальное землевладение развивалось, видимо, быстрыми темпами, но обладало малым запасом прочности. Будучи, как правило, дарованным феодалу государством, население того или иного села или деревни относилось к нему не как к хозяину, а как к господину, насильно владеющему землей и строениями и вынуждающему крестьян платить ему оброк и нести повинности. На Руси долгие столетия владельческие крестьяне, объединённые в общину, считали землю, на которой живут, платят с неё налоги и выполняют повинности, по сути дела, своей землёй, а не землёй феодала, на которую они бы добровольно пришли и которую обрабатывали бы, вознаграж-

дая феодала-хозяина за кров и ту же землю. Следовательно, здесь не было своего рода равновесия отношений крестьянина и вотчинника. Именно это равновесие и создавало на Западе Европы тот баланс взаимных интересов крестьянина и феодала, который придавал сеньории известную прочность. И эта прочность была тем выше, чем твёрже были права феодала на землю.

Московские князья понимали непрочность результатов своей деятельности по приращению территории Великого княжества Московского, по созданию единого государства. Видимо, не следует переоценивать такой фактор, стимулирующий объединение княжеств, как рост торгово-экономических связей, хотя, безусловно, он имел немалое значение. Решающим же обстоятельством, стимулировавшим объединение княжений, были задачи политического характера: свержение ордынского ига и воссоздание Русского государства. Однако по достижении этой цели в конце XV – начале XVI века политическая элита, видимо, осознала реальную ограниченность во времени действенности этих факторов: ведь их влияние как стимулов к объединительной деятельности для тысяч феодалов неизбежно ослаблялось по мере реализации этих целей. На первый план выдвинулись задачи упрочения, цементирования нового политического формирования, в котором по-прежнему общество оставалось внутренне рыхлым, непрочным, как любое феодальное общество, где ещё не созрели условия для внутренней относительной

прочности каждой вотчины, где ещё не возникла новая система феодальной иерархии, которая сплотила бы господствующий класс.

Исторически выход был найден в форсировании развития условной формы феодального землевладения – той формы, которая, будучи конституированной государством, влекла за собой резкое усиление политико-экономической роли этого государства, ставила каждого помещика в прямую зависимость от государя, от центральных властей, сделав факт обладания землёй лишь следствием его верной службы (и прежде всего военной и государственной) великому князю Московскому, а позднее царю. Больше того, примерно с середины XVI в. и обладание вотчиной было для каждого феодала обусловлено службой царю, хотя вотчина по-прежнему была несравненно более полной формой собственности, чем поместье.

Наиболее стремительные темпы преобразования земельной собственности феодалов характерны для последней трети XV в. и правления Ивана IV. Присоединение к Москве Великого Новгорода закончилось массовой ликвидацией огромного количества вотчин, выселением их бывших владельцев в другие районы страны и насаждением в новгородских землях почти сплошь поместной формы землевладения. Точно так же в правление Ивана Грозного феодальное землевладение, принципы которого были теперь укреплены и упорядочены реформами 1550-х годов, стремительно раз-

вивалось именно как поместное землевладение. Думается, что такие скоротечные и широкомасштабные преобразования были бы на Западе Европы просто невозможны, потому, что там сильнее была сословная корпоративность дворянства и прочнее была внутренняя устойчивость сеньории.

Энергичный, насильственный характер реформ земельной собственности, проводившихся, в частности, во второй половине XVI в. с особой жестокостью, повлѣк за собой серьёзные осложнения внутривполитической и экономической жизни страны. В свою очередь, и сами они были усугублены войнами Ивана IV. В итоге страна вползала в тяжѣлый экономический и социальный кризис, сопровождавшийся упадком хозяйства, голодом, запустением и т. п.

С прекращением династии Рюриковичей в стране в начале XVII в. началась жестокая борьба за место в среде господствующего класса-сословия, отягощённая выступлением социальных низов. Это была своего рода «гражданская война», известная как эпоха «Смуты».

Тяжелейшее для страны время кончилось наступлением мира в 1618 г. Последствия Смуты были чудовищными: громадное оскудение населения, катастрофическое падение его численности и катастрофическое сокращением пашни и т. д. Лишь к 1650—1670-м гг. основные последствия разрухи страны были преодолены.

И, тем не менее, кардинальные цели господствующего класса даже в условиях жесточайшего кризиса были решены.

Созданы были основы жестокого механизма извлечения совокупного прибавочного продукта. Внедрена была система поместной формы землевладения. К первой половине XVII в., по мнению ряда исследователей, поместья составляли уже около 60% всего частновладельческого фонда земель.

Несмотря на явное стремление владельцев поместий превратить их в вотчины и избавиться от экономической неэффективности поместий как формы хозяйства, ярко обнаружившей себя в годы кризиса, все правительства России, оберегая общество от новых потрясений, явно уклонялись от каких-либо кардинальных решений и не форсировали обратного преобразования поместий в вотчины. Слишком важна была условная система землевладения для политического укрепления системы неограниченной самодержавной власти монарха, для формирования дворянства как основы незыблемого государственного единства. В конечном счёте переход поместий на статус вотчины был растянут на период более столетия. Более мощные хозяйственные возможности вотчины, обнаружившие себя в период упадка экономики после Смуты, и прежде всего явные предпочтения крестьян, отдаваемые этой форме хозяйства, стали основой крепостничества не только как жестокой формы эксплуатации, но и вместе с тем как системы выживания на основе отношений патернализма в неблагоприятных условиях жизни российского социума. Будучи слитой с крестьянской общиной, она положила начало прочнейшему режиму самодержавного

государства.

Характернейшей особенностью российской государственности являются её хозяйственно-экономические функции. Потребность в деспотической власти была первоначально обусловлена политически (борьба с монголо-татарским игом и внешней опасностью), а потом и экономически. Ведь помимо функций изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца, «государственная машина» была вынуждена форсировать процесс общественного разделения труда, и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия. Это происходило из-за традиционных черт средневекового российского общества – исключительно земледельческого характера производства, отсутствия аграрного перенаселения, слабого развития ремесленно-промышленного производства, постоянной нехватки рабочих рук в земледелии и их отсутствия в области потенциального промышленного развития.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых «всеобщих условий производства». В XVI – XVII вв. – это строительство пограничных крепостей-городов, оборонительных циклопических сооружений в виде засечных полос, крупных металлургических производств для выпуска оружия и средств сооружения тех же засечных полос. В XVIII в. на первый план выступает необходимость строительства огромных каналов, сухопутных трактов, возведения заводов, фабрик, верфей, портовых

сооружений и т. п. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без особого государственного сектора экономики совершить всё это было бы просто невозможно. Следует подчеркнуть, что в условиях России и, в частности, её огромных территорий, функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли её государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было невозможно на всём протяжении российской истории.

Незначительная численность господствующего слоя символизирует крайнюю упрощённость самой российской системы самоорганизации российского общества. Не случайно из-за этой упрощённости из функций самоорганизации общества в начале XVIII в. и в более ранние эпохи, резче всего проявляли себя военная, карательно-охранительная и религиозная. А государственные рычаги, выполняющие функции управления, уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни. Управленческая роль общины усиливала её как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что в конечном счёте необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении.

Весьма длительный в условиях России процесс правового и фактического укрепления феодальной земельной собственности, тем не менее, далеко не всегда давал желаемые результаты – т.е. доведение земельного владения дворянина

до нормы полноправной частной собственности (хотя и феодальной).

Скорее всего, здесь вновь решающую роль сыграли неистребимые традиции крестьянского общинного землевладения и землепользования. Ведь в практической жизни феодал-землевладелец всегда подчинялся традициям в системе землепользования. В частности, это хорошо известная в литературе система «открытых полей», когда на сжатое поле феодала или крестьян выгонялся скот без различия его принадлежности. Это и обычай подчинения феодала действиям общины при ведении севооборота. А ещё бывали общие выпасы, общие леса и т. п.

Вся история русского народа и специфичность ведения земледельческого хозяйства не способствовали вызреванию сколько-нибудь твёрдых традиций частной собственности на землю.

Чисто эволюционное развитие в весьма своеобразных природно-климатических условиях имело своим результатом лишь веками бытовавшие слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с относительно высоким уровнем оплаты труда, господством подённой и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления и расширения производства. В силу этого уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал в России размерам торговой прибыли, а удачливые предприниматели-промышлен-

ники были, как правило, прежде всего, купцами.

Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития; в стране очень рано и весьма стремительно стали развиваться прежде всего крупное промышленное производство и процесс его очень ранней монополизации. Природно-географический фактор и в первую очередь огромная территория России сыграли в этом далеко не последнюю роль.

В периоды правления Петра I и Екатерины II были проведены колоссальные по эффективности преобразования в виде резкого подъёма промышленности, наращивания военной силы государства и, что особенно важно, создания пространственно-географических условий экономического развития страны.

Таким образом, развитие государственных структур, государственного хозяйства и «государственной машины» было обусловлено двумя ведущими факторами. Один из них связан с проблемами оптимизации объёма совокупного прибавочного продукта, другой – с чисто внешней, оборонительно-наступательной функцией государства.

Оборонительно-наступательная функция в истории Российского государства обуславливалась, по крайней мере, тремя основными факторами. Первый из них Л. В. Милов связывает с необходимостью выполнения стратегиче-

ской задачи воссоединения древнерусских земель, разделённых в результате монголо-татарского нашествия и агрессии католической Польши и языческой Литвы.

Второй важнейший фактор усиления оборонительно-наступательной функции государства связан с природно-климатическими условиями развития страны. Обилие малопродуктивных почв, необычайно короткий сезон сельскохозяйственных работ имели своим следствием постоянный «недобор» урожая, что в конечном счёте обусловило низкий объём совокупного прибавочного продукта в стране. Однако общество в целом приспособилось к суровым условиям хозяйствования сохранением и развитием распорядков сельской жизни. Крестьянская община на протяжении тысячи лет российской государственности являлась важнейшим средством защиты крестьянского хозяйства от множества житейских неожиданностей, ведущих крестьянскую семью к разорению, нищете и смерти. Община не только спасала миллионы крестьян от пауперизации, она в значительной мере содействовала сохранению генофонда русского населения (впрочем, не только русского, но и других народов России). В свою очередь, крайне экстенсивный характер сельскохозяйственного производства и объективная невозможность его интенсификации привели к тому, что основная историческая территория Русского государства не выдерживала увеличения плотности населения. Отсюда постоянная, существовавшая веками, необходимость оттока населения на новые тер-

ритории в поисках более пригодных пашенных угодий, более благоприятных для земледелия климатических условий и т. д. Объективные условия плотной заселённости Европы открывали для русских лишь путь на Юг, Юго-Восток и Восток Евразийского континента.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.